

СОЦИАЛЬНЫЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО КАПИТАЛИЗМА

В.Н. Семенова

Минск, Академия управления
при Президенте Республики Беларусь

Цифровое общество, ставшее реальностью в развитых странах мира, основывается на цифровой экономике, главными особенностями которой становятся развитие шеринговых практик, увеличение precarious занятости и свершившаяся сетевизация коммуникации [1, с. 77]. Исследователи отмечают, что человечеству уже вряд ли удастся сесть на цифровую диету и снова вернуться к природе [3, с. 27]. Новый и уже господствующий в таком обществе тип экономики получил название цифрового капитализма, причем, «цифровой капитализм» – это, прежде всего, зонтичный термин, включающий в себя множество других «капитализмов»: «платформенный капитализм» (Н. Срничек), «надзорный капитализм» (Ш. Зубофф), «коммуникативный капитализм» (Дж. Дин), рентный капитализм и др. [1, с. 77; 8, с. 326].

Какие новые социально-антропологические угрозы несет цифровой капитализм? Отметим некоторые из них.

1). *Рост экономического и социального неравенства. «Эффект Матфея».* В работах «Капитал в XXI веке» и «Капитал и идеология» французский исследователь Т. Пикетти обосновал идею неизбежного увеличения экономического неравенства в ходе развития и роста экономики. Цифровой капитализм также увеличивает, а не сокращает неравенство, приводя к формированию «новой аристократии» и новых «феодалов уделов». При цифровом капитализме присутствует и описанный Р. Мертоном «эффект Матфея», объясняющий феномен прогрессирующего неравенства (когда богатые богатеют, а бедные беднеют), поскольку сторона, уже обладающая преимуществами, продолжает их накапливать, в то время как изначально ограниченная в ресурсах сторона оказывается обделена еще сильнее. Например, такая разновидность цифрового капитализма как платформенный капитализм способствует образованию доминантных игроков и монополизации сетевых рынков. Одновременно платформенный капитализм создает новый цифровой продукт, за который бенефициары не только получают сверхвысокие доходы, то есть непосредственную прибыль, но имеют новую глобальную цифровую ренту, с помощью которой «цифровыми» рантье получают уже сверхприбыли [9, с. 108].

2). *Системы социального кредита и манипулирование общественным мнением.* Источником прибавочной стоимости в платформенном капитализме выступают большие данные. Сбор и обработка больших данных, то есть фактически персональных данных пользователей, является фундаментом надзорного капитализма, одним из рисков развития которого является создание систем социального кредита, нацеленных на всесторонний контроль за организациями и населением посредством сбора и обработки персональных данных. Так, существующая в Китае система социального рейтинга предполагает

анализ социально-политического поведения частных лиц, организаций и частных компаний для определения их «социальной репутации». На основе такого социального рейтинга государством проводится поощрительная и санкционная политика регулирования. Сбор и обработка больших данных позволяет не только контролировать поведение потребителя, но и влиять на формирование общественного мнения. Повсеместное распространение технологий микротаргетинга и популяризация теории мягкого подталкивания (Р. Талер, К. Санстейн) являются действенными механизмами манипуляции общественным мнением и поведением потребителя любого контента.

3). *Трудоцентризм и трудоголизм. «Конец гудка»*. Результатом новоевропейской промышленной революции стала «лейборизация всего западноевропейского общества – порабощение человека трудовой деятельностью» [6, с. 6]. Капитализм поставил человека перед выбором: работать или умереть [6, с. 7]. И современный цифровой капитализм не менее жесток и эффективен, чем его предшествующие варианты: сегодня «не человек обладает профессией, а профессия – человеком» [6, с. 13].

Предполагается, что при цифровом капитализме произойдет уменьшение трудовой занятости (количества труда), сокращение рабочей недели и увеличение свободного времени. С одной стороны, это так, поскольку цифровая занятость перемешивает свободное время и труд, создавая «игровой труд» („playbor”). Но одновременно цифровые профессии требуют от человека особого вида контроля над собой: «Человек цифровой профессии сам становится и орудием производства, и результатом производства, и товаром, его связи и отношения с внешним миром являются частью его ценности на сетевом рынке труда» [2, с. 52–53]. Человек цифровой профессии обречен на переработки.

В цифровом обществе «конца гудка» (гудок – это граница, четко отделяющая рабочее время от свободного) происходит размывание границ между досугом и трудом, формируется тип социального времени, который характеризуется взаимопроникновением рабочего и свободного времени [4, с. 1]. Исследователи отмечают, что «культ работы и занятости парадоксально сосуществует с превознесением и обязательным характером досуга» [2, с. 50]. Одновременно качественно изменяется и сам досуг: он становится менее чистым и более фрагментарным, перемешанным с рабочим временем [8], превращаясь в такой же предмет отчуждения, вписанный в различные потребительские логики позднего капитализма, как и труд. Новый капитализм осуществляет активные инвестиции в свободное время, создавая целые индустрии досуга [7, с. 49]. Фактически, в современных версиях капитализма в трудовой процесс вовлекается и эксплуатируется личная сущность человека [5, с. 26–27].

Появление «лишних людей», не задействованных в производстве, вынуждает идеологов цифрового общества обосновывать теории безусловного базового дохода и безработицы как «обеспеченного досуга». Одновременно возникает важнейший вопрос: а для чего человеку свободное время? Неочевидно, что человек распорядится своим свободным временем исходя из теории рациональных ожиданий, как на это надеялись, например, теоретики коммунистического общества. Получив в свое распоряжение больше свободного

времени, очень многие просто будут «убивать время» [10, с. 144], а многие потратят досуг и вовсе на опасное и криминальное времяпрепровождение.

В заключении отметим, что развитие цифрового общества и цифрового капитализма создает принципиально новые риски для постсовременности, требующие критического осмысления и всестороннего изучения, а также разработки средств их минимизации.

Список литературы

1. Афанасов, Н. Б. Переопределяя свободу. Цифровой капитализм и частная собственность / Н. Б. Афанасов // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. – 2022. – Т. 7. – № 1. – С. 74–83.
2. Афанасов, Н. Б. Свободное время как новая форма труда: цифровые профессии и капитализм / Н. Б. Афанасов // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2019. – Т. 1. – № 1. – С. 43–61.
3. Вайсман Дж. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме / Дж. Вайсман. – Москва: Дело, 2019. – 304 с.
4. Вахштайн, В., Маяцкий, М. Случайный труд – принудительный труд / В. Вахштайн, М. Маяцкий // Логос. – 2019. – Т. 29. – № 1. – С. 1–26.
5. Горц, А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / А. Горц; пер. с нем. и фр. М. М. Сокольской. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010. – 208 с.
6. Джохадзе, И. Homo faber и будущее труда / И. Джохадзе // Логос. – 2004. – № 6 (45). – С. 3–17.
7. Маяцкий, М. Otium для никого / М. Маяцкий // Логос. – 2015. – № 3. – С. 46–50.
8. Сафронов, Э. Е. «Цифровой капитализм и старая сказка о потерянном времени» / Э. Е. Сафронов // Социологическое обозрение. – 2020. Т. 19. – № 1. – С. 318–327.
9. Степнов, И. М. Платформенный капитализм как источник формирования сверхприбыли цифровыми рантье / И. М. Степнов, Ю. А. Ковальчук // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – № 4 (61). – С. 107–124.
10. Сидорина, Т. Ю. «Homo Faber» как символ эпохи труда: к истории эволюции понятия / Т. Ю. Сидорина // Вопросы философии. – 2015. – № 3. – С. 1

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА ОБУЧАЮЩИХСЯ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА: СООТНОШЕНИЕ СУИЦИДАЛЬНЫХ И АНТИСУИЦИДАЛЬНЫХ ЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРОВ

В.В. Смолян, Н.М. Рубан

Гомель, Гомельский городской центр гигиены и эпидемиологии

Высокий уровень самоубийств в молодежной среде является одной из ключевых проблем современного мира. По мере своего взросления молодые люди встречаются с множеством проблем и трудностей. Для того, чтобы успешно им противостоять, человек должен иметь стабильную жизненную ситуацию и некоторые другие ресурсы. Возникает вопрос о том, почему одни люди решают совершить самоубийство, а другие, сталкиваясь с аналогичными или еще более тяжелыми жизненными ситуациями, не делают этого.